

18+

Александр Рожковский

ЛИФТ на луну

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Александр Рожковский

Лифт на луну. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Рожковский А.

Лифт на луну. Сборник рассказов / А. Рожковский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-593870-1

Когда поднимаешься на лифте, этажи меняются стремительно. Каждая остановка, при всей своей схожести на остальные, наполнена иной жизнью и дыханием. Так и эти рассказы — открытие нового и неожиданного при встречах с людьми, которые «входят и выходят». Осторожно! Двери открываются...

ISBN 978-5-00-593870-1

© Рожковский А.
© Издательские решения

Содержание

МАСКА	6
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Лифт на луну
Сборник рассказов
Александр Рожковский

© Александр Рожковский, 2023

ISBN 978-5-0059-3870-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МАСКА

Причина первая

«В Сенегале, братцы, в Сенегале, я такие видел чудеса...».

Почти забытая песенка про посла, всеми любимая нами в брежневские студенческие времена, всплыла без характерного булькающего всплеска, ненавязчиво напомнив о себе.

Двенадцать лет авантюрно-перестроечной жизни и, оказывается, можно вот так, по-простому, вальяжно и неторопливо, с неведомым ранее, зарождающимся достоинством, пусть еще, совсем зачаточным, и слегка хромающим, сходить на берег нового континента.

Кокон, маразматического прошлого настойчиво разгрызался массовым туристическим прорывом, хотя такой вид туризма как «круиз», назвать массовым можно с большой натяжкой.

Михалыч прервал мой меланхоличный настрой призывом, ставшим привычным и почти обязательным в нашем двадцатидневном мореходном укладе:

– До часу – нет, а после – сил нет, разливай! Впереди обед.

Мишка, мой одноклассник, бок о бок с ним лет двадцать. А человека так и не знаю до конца. Только отмечаю его внешние перемены.

Да и как их не отметишь. Все девяти- и десятиклассницы бегали за этим высоким длинноволосым красавцем. Сейчас же в Михалыче килограмм 120 веса и бритая под ноль голова. Только улыбка, прежняя.

Сейчас – время нашего предобеденного ритуала: два воровато унесенных с завтрака йогурта, два апельсина и два стаканчика с «Ред Лейблом».

Это наше все. В запертой каюте, без нудящего женского пола и постоянно мельтешащих рядом детей.

– Долго швартуются, черти. Помог бы им кто.– Михалыч, высунув по плечи голову в иллюминатор, с интересом всматривался в разношерстную толпу торговцев на пирсе.

– Дай глянуть-то. – Я крутился вокруг него, тоже пытаюсь полюбопытствовать. Мишка же, как могучий утес, в своих придурочных канареечных шортах не давал такой возможности.

«А вот случись чего с нами в море, так он же и в иллюминатор не пролезет», – любовно злорадствовал я, живо представляя такую вполне голливудскую картинку.

Шторм. Я в волнах. Герой весь из себя. Борюсь с девятым валом. Остервенело сплевываю соленую пену, да руками круто загибаю. А Михалыч в роли Винни-Пуха – бесславно застрял в стандартном круглом проеме.

Только Мишка совсем не стандартный. И я буду его за этот крепкий череп вытягивать. Тяжело придется. Но я справлюсь. Кого ж еще спасти, кроме родных да Мишки...

– Сань, ну что ты мечешься? Не суетись, блин, давай-ка еще в тару расплескаем. – Михалыч, освободив проход в каюту знойному воздуху, сбежавшему из Сахары, плюхнулся на кровать и потер случайно зацепленное иллюминаторным стопором ухо.

– Мих, слушай, а может, мы не поедем сегодня на обзорную экскурсию. Чет, жарко, – тщательно разжевывая апельсиновую корочку, я представил очередную заорганизованную поездку в душный город и решил вынести на обсуждение свой вариант двухдневного пребывания в Африке.

– Может, возьмем с собой наших мелких, да по берегу к какой-нибудь бухте дойдем, крабиков поищем, а вечером их с пивком? Да и малые в океане порезвятся, – я понимал, что предложение достаточно тривиально, но мной уже всецело завладела идея пляжного расслабона.

– Я не против. Сам знаешь.

Вот так. Без обиняков. Где бы мне, неугомонному, такой покладистости набраться?

Так и решили. Усадив жен – Юльку с Лёкой в экскурсионный автобус с бортовой надписью «Африкан Пёрл» (Африканская Жемчужина), мы неторопливо направились из порта к пологому серо-желтому мысу, виднеющемуся в некотором отдалении.

Михалыч вышагивал впереди, а за ним, в случайно выстроенном возрастном порядке, наши дети – Настя, Тема, Антон и я – замыкающий и наблюдающий. Отпрыски – с масками для snorkлинга в руках, отцы – с пластиковыми пакетами, заполненными нехитрым содержимым, цокающим стеклянной бутылочной трелью о ноги.

От порта вдоль берега уже прошагали, похоже, больше часа, а мыс как был символом и атрибутикой берегового пейзажа, так им и остался.

Белесый асфальт перешел в серый гравий, вдоль дороги лачуги с выглядывающими из-за перекошенных оград облезлыми козами и иссиня-черными сенегальцами.

И нам навстречу все что-то тащат. Кто с мешком за плечами, женщины – детей, кто-то деревянную тележку с фиолетовой капустой, или фруктами невиданными. Проходят мимо, пристально вглядываются в нашу процессию. Некоторые останавливаются и приветствуют, дерзким – «Кадо!» (Дай что-нибудь!).

Да..., это вам не ласкающее слух кенийское «Джамбо!». (Привет!) или «Акуна Матата!» (Всего тебе хорошего!).

– Ну, вы как, живые? – Мишка останавливается, поворачивается и теперь демонстрирует нам вместо своей насквозь промокшей спины обильные ручьи, стекающие с лица на грудь. В тени по ощущениям градусов 45, полуденное время – самое пекло.

– Мишань, давай здесь попробуем к воде поискать спуск. До мыса, похоже, еще километров десять. Детей жалко, им эти крабы и не в радость уже, – я смотрю вниз крутого отвесного склона на дурманящий прохладой прибой и мысленно прикидываю возможный спуск к берегу без травматических приключений.

Пока я оценивал альпинистские способности нашей группы, на песчаной полоске у воды из-за камней появилась фигурка сына.

– Па! Здесь супер! Спускайтесь! – надрываясь, выпалил Антон и, разбежавшись, тараном врезался в набегающие волны, изрядно истосковавшись по ним в судовом бассейне. За его спортивное плавание я не переживал, и все-таки...

Рядом надо быть. Инстинкт папский.

.....

В это же самое время экскурсионный автобус остановился на центральном городском рынке.

Плановый осмотр местных художественных промыслов. К слову и без прикрас – высокохудожественных и самобытных. Сенегальские песчаные картины— ну, это видеть надо, как они слой к слою, за секунды появляются на свет. Рукотворное чудо, воплощенное в незамысловатую деревянную рамку. Собранный со всей страны разноцветный песок прямо на глазах превращается в причудливое изображение бытовых сценок, портретов и пейзажей.

Юлька, сразу зацепилась за это песчаное изобразительное шоу, а моя жена Лёка, чуть замешкавшись, не смогла пройти мимо разбросанного метров на сто развала с африканскими масками. Что-то, совсем неуловимое, заставило её замедлить шаг и остановиться.

Стоящий прямо перед ней почти полутораметровый «краснодеревый» лик мистического идола молча привораживал и умолял: «Купи, ну, купи меня...».

Свершившийся акт перелома женской покупательской стойкости. Последующий короткий, но обязательный торг. С начальной озвученной четырехзначной цифры обреченно в небытие слетает нолик, и бумажный портрет Франклина перекочевал в черные пальцы с розовыми ногтями уличного торговца.

.....

Спуск по каменистому склону, на удивление, оказался очень простым. Стоя с Михалычем у воды на плотном песке, мы недоуменно рассматриваем необычные ниши в скалистом обрыве, прикрытые пересохшими на солнце прутьями и мутными кусками полиэтиленовой пленки.

Сверху эти чьи-то «архитектурные» изыски были совершенно незаметны и прятались под каменными выступами от сторонних взглядов. Вид этих «береговых скворечников» почему-то вызывал у меня аналогию со свитыми птеродактилями гнездами на скалах в период мезозоя.

– И что же это за байда-то такая? – Мишка, так же как и я, был ошарашен увиденным.

– Меня спрашиваешь? Извини, мы люди не местные и справок не даем, – хотелось отшутиться, но ощущение тревоги от нашего местонахождения здесь, на незнакомом берегу, в зачатке раздавило мой «искрометный» юмор.

Стало совсем не по себе, когда у одного из «гнездышек», метрах в пятидесяти от нас, отодвинулась в сторону соломенная заслонка, и нашим взорам предстал выползший из своего убежища долговязый гуталиновый абориген. Он уставился на компанию, растревожившую его покой, сел у своей рукотворной каменной берлоги на корточки и замер в позе древнегреческого мыслителя.

Следом за его явлением народу, сдвигая свои легкие надгробия из хвороста, стали появляться его соседи.

Да..., веселая компания. Добро пожаловать! Или посторонним...

Мы оказались в гостях у местного «бомонда» с названием «Дакарский бомжатник». Все происходящее было подобно представлению в римском Колизее. Вверху – безмолвные, воодушевленные предстоящим спектаклем зрители, а на песчаной арене – «группа изнеженных белых европейцев, в преддверии охоты на крабиков».

Первая восставшая «ласточка без крыльев» неспешно спустилась вниз. Высокий мускулистый сенегалец, в линялых джинсах и стеганой куртке, надетой на голый торс, проскакав по камням, остановился рядом с кучкой наших разбросанных вещей.

Через какое-то время к нему присоединился пухлый сосед в рваном бубу (национальное одеяние африканцев – легкие разноцветные штаны и просторный сатиновый палантин сверху).

– Аржан!* (деньги, франц.) – долговязый произнес слово отчетливо и спокойно.

.....

Лёка сидела в автобусном кресле, зажав между ног приобретенную, как ей казалось почти за бесценок, маску.

– Ты посмотри, смешная какая! Сколько таких видела, все страшные. Ужас. А эта, забавная, словно подмигивает с издевкой. – Юлька, с любопытством разглядывала Лёкину покупку. – Представляешь, и я тоже не удержалась, сразу шесть песчаных картин купила. Две большие – нам с Мишкой в квартиру, а остальные на подарки. Классно, да?

Лёка, кинув взгляд на обмотанную скотчем стопку картин, промолчала, но все же, утвердительно кивнула головой. Ей овладевало спонтанное желание как можно скорей оказаться в каюте на судне рядом с нами.

.....

Антон, безопасным кругом обошел долговязого гостя и проходя мимо меня, срывающимся голосом шепнул:

– Пап, у него нож сзади в руках.

Я оторопел. Внутренне для себя стал прописывать возможно предстоящий сценарий. Бросил вполголоса новость Мишке.

– Быстро наверх. Повторять не буду.– Михалыч произнес эту, адресованную детям, фразу остервенело и категорично

В первый момент я совершенно не въехал в смысл обращения стоящего с расставленными ногами и спрятанными за спиной руками чернокожего чудака. Да и само слово «Аржан» – для меня новое для слуха.

Послышалось-то: «Нарзан!». Во, думаю, дела. Какой нарзан! Пить, что-ль хочет? Мигом позже карабкающийся вверх по склону Антон крикнул: «Папа, „аржан“ – это деньги!».

После моего вполне достоверного изображения из себя «туриста-придурка», с биением себя кулаками по груди и радостными возгласами: «Россия! Матрешка! Африка! Ура!» ожидаемого радушного приёма от наших гостей не последовало. Не сговариваясь, мы принимаем безоговорочное решение поскорей ретироваться с этого места.

С «долговязым», все так же методично издающим требовательное: «Аржан!», пытаемся не пересекаться взглядами. Бессмысленно. Глаза страждущего – обкуренные, и с переливающейся мутной поволокой.

Дети уже наверху. К нашему облегчению, чернокожие зрители, собравшиеся на склоне, их не тронули. Это уже хорошо. У нас же задача – или сразу уходить, или попытаться забрать нашу одежду, на которой стоит шоколадная «сладкая парочка». Решили попытаться.

Подходим, нагибаемся. Вот уж где радость! Склонили свои обнаженные спины перед господами. Собираем вещи, а в висках бешеная пульсация. Смоляные аборигены замерли, словно застывшие идола. Мишкины же желтые шорты оказались под босой ногой «пухлого».

Михалыч секунду раздумывает и неожиданно резко выдергивает штанины из-под его грязных ступней. «Пухлый», не устояв, отмечает пятой точкой песок. «Долговязый» выходит из своей «аржанной» медитации, изворачивается и рукой с зажатой отполированной заточкой неуклюже тычет в спину Миху.

Мишка тяжело поднимается, прижимая обсыпанные песком шорты к боку. Пальцы в крови.

– Уходим отсюда, Саня, уходим!

Я ощущаю всю нелепость происходящего и мгновенное головокружение, словно тебя подвели к краю бездны. Безумное желание заорать, разорвать. Но в тот момент, когда осознаёшь, что вот-вот потеряешь над собой контроль, разум вытесняет смятение. Бесишься внутренне и понимаешь – встречная агрессия бессмысленна и опасна.

Идем вдоль бетонного парапета резвой иноходью. Дети в видимом отдалении бегут впереди. Мишка, похоже, бодрячком, только немного бледный.

У меня в голове крик: «Вот же придурок, ну меня бы тыркнул! Что помешало? Моя ж идея „крабовая“». Ко мне прилепилось стандартное: «На его месте должен был быть я!».

– Миха, Миха, мы уже пришли, ...вон труба «Аркадии» торчит.

– Санёк, а помнишь Амдерму? – Мишка пыхтит и отдувается.

Как же мне не помнить. Новороссийская мореходка. Безоговорочное Мишкино распределение к Северному полюсу. У нас на балконе до сих пор висит привезенный им на мой День рождения забавный коллаж с круглолицым шаманом у огня, исполняющим ритуальный танец с бубном, в унтах, сделанных из волосков натуральной оленьей шерсти и язычков костра, выклеенных из красных бутылочных осколков. Да и у Лёки где-то в шкафах до сих пор хранится стопка телеграмм с его традиционным и лаконичным: «Помню. Скоро буду. Обнимаю. Ждите».

Михалыч вышагивает, прижимая одной рукой шорты к боку, второй постоянно смахивает выступающую на лице влагу.

– Сань, знаешь, мы как-то с метеоточки на базу в поселок с механиком нашим, Игорем, возвращались на вездеходе. – Мишка чуть тормознул и раскатисто выдохнул, – так у нас из трака костыль вылетел. Ну, мы на место железяку эту с ним решили ставить. Да и выхода не было другого. Градусов 40 за бортом. Рукавицы сбросили и стали на место вбивать сцепку. Быстро сделали. Только руки стали совсем чужими. Игорек бушлат с себя снял, меня тоже заставил, потом достал канистру и облил соляркой наши руки по локоть. Дал мне зажигалку и без компромиссов всяких, без пафоса этого сраного сказал: «Поджигай». Я, ничего не пони-

мая, сделал все как он попросил. А Игорек растер пламенем руки, да потом их в снег засунул. Ну, и я все в точности повторил. Сейчас уж на коже даже следов не осталось...

Михалыч замолчал, посмотрел на сочащиеся кровью шорты и добавил:

– Саня, ты не дергайся и не суетись, прошу тебя.

Навстречу нам – все те же обитатели задворок столицы со своей поклажей и своей, только им известной, конечной целью прибытия. То же призывное «Кадо!» при сближении с нами. Помощи просить бесполезно, они могут лишь отобрать.

Дакар навечно врезал в свою память времена, когда из него, крупного западного африканского порта, отправляли в Европу и Америку чернокожих рабов. На корабли, как рыбу в трюм, навалом грузили людей в цепях. Грузили белые. Ненависть за их жуткое прошлое впиталась сенегалцам в кровь. И уж если схватил тебя местный, то свою цепкую хватку не разожмет, пока взамен не получит денег. И каким бы ты не был приветливым да благожелательным, все равно ты для него «расистом» останешься.

Подходя к порту, разглядываю покрытые мхом черные камни и избитые ветром и временем сухие измученные деревья на отвесном склоне. Справа – Океан. Слева – грязные, пьяные, обкуренные и бездомные сенегалцы, сидят на тротуарах, спят и тут же справляют нужду.

А ведь Марабу, главы религиозных движений, в школах Коран их заставляют заучивать, да милостыню с детства вымаливать. Проповедуют, что главное во имя Ислама – непомерный труд. Что же происходит?

Гордость от мысли, что мы вышагиваем по новому материку, что вот, наконец-то, добрались сюда, перебивает острое чувство униженности и скованности. Будто вековые рабские цепи на руках у нас с Михалычем.

Так чужды этому миру наши с Мишкой «я», такие они ничтожные и незаметные в этой изуродованной действительности.

Поднимаемся по трапу. Андрей, судовой врач, на месте. Михалычу здорово повезло. Касательный прокол и задета жировая ткань. Морской лекарь вкатил Михе от столбняка и еще от чего-то. Скобку сделал, да джина бутылку подарил за наше знакомство.

Устроившись в открытом, палубном баре, долго не раздумывая, мы приступили к раскрытию загадочной тайны названия можжевелевого спиртного – «Beefeater». Ну и все же, почему джин – «Пожиратель говядины»? Головоломка! Головоломка опустошалась, одновременно ломая наш рассудок и не поддаваясь разгадке.

Лёка с Юлькой, поднявшись на борт, застали нас за этим замечательным занятием и сразу стали требовательно вопрошать: «Ну и где крабы?».

Мишка молчал и улыбался, а я, как всегда, балагурил и нес всякую чушь. Хотели «крабовую» историю от них утаить, да не получилось. Нас к вечеру сдали дети.

Я засмотрелся на лик купленного африканского идола, поставленного к барной стойке.

– Это от нечисти всякой – «оберег», – торжественно объяснила нам Лёка, – рожица, правда, у него какая-то уж больно хитроватая.

Внимательно взглядываясь в покрытую красно-черной краской жуликоватую маску я, картинно, обратился к ней с вопросом:

– Дружище, а ты дух дружелюбный или враждебный? – уродливо растянутое вверх трагическое лицо с прорезанными глазами и приподнятыми в усмешке губами безмолвствовало.

– Молчишь, «казус африканский»? Во, во, так и буду теперь звать тебя «Казусом».

На память пришел обычай одного африканского племени в Камеруне. При рождении ребенку очень плотно забинтовывают голову и снимают повязку только по прошествии трех лет. Череп за это время принимает особенную, удлиненную форму. Таким способом аборигены не только меняют тело, но и становятся ближе к параллельному миру своих почитаемых божеств, веруя, что обретают чувство абсолютной защищенности.

Сразу подумалось: а вдруг наложенный на Мишку бинт при снятии тоже тело его изменит? Опять явит нам стройный торс и шашечный пресс, каким он был у него в десятом классе.

Чуда не произошло.

«Казуса» же мы с Лёкой бережно зацепили в каюте на крючке над моей кроватью. Ценное приобретение.

Сто баксов, все-таки.

Причина вторая

Порт Миндело небольшого острова Сан Винсенте встретил нас мелкой рябью залива. Даже не верилось, что когда-то на этом месте попыхивало жерло вулкана, спрятанное теперь водами Атлантики.

Посредине бухты с унылой обреченностью возвышался торчащий из воды ржавый остов старого полузатопленного мексиканского сухогруза. Видимо, вот так просто и незамысловато кабовердийцы проявили свою находчивость, сэкономив на строительстве фарватерного маяка.

– Меня снимите на этом фоне, – попросила Юлька, разбуженная туристическими восторженными охами да ахами и выскочившая к нам на палубу, отложив утреннюю процедуру наведения макияжа.

– Снимем и еще раз снимем, и не переживай, и не только на этом фоне «снимем» – бравировал Михалыч, облокотившись на деревянные поручни рукавами махрового халата. – А мы конце восьмидесятых стояли как-то здесь на «Академике Келдыше», только в Прайе, на рейде, рядом с островом Сантьягу, примерно в милях десяти от этого места.

– Тебе хорошо, ты, небось, прошерстил все здешние достопримечательности. Может, нашим гидом будешь, а с оплатой договоримся, – это я так, на всякий случай пяточок свой вставил, поддержать разговор, заранее ожидая Мишкин утвердительный ответ.

Пока я в годы перестройки себя перестраивал, он с Институтом океанологии и океанографии сходил не в одну кругосветку.

– Санёк, так нас тогда по списочному составу выпускали на берег, я то в списке был, да меня руководитель экспедиции Сагалевич вычеркнул. Тогда мы аспиранток наших на судне споили и дискотеку устроили ночью на корме. А я в этом деле за главного был... , вот и пришлось за всех отдуваться. На берег не выпустили. Да и бог бы с ней, с сушей этой. Зато я в другом списке себя тогда сохранил. – Миха незаметно мне подмигнул и опасно на Юльку оглянулся. Вдруг услышала?

Нет, все поглощены фотографией, съемкой видеокамерами или просто любованием остающихся за кормой природных чудес. Да, тут серьёзно можно проверить на качество фото-пленку!

Красно-коричневые скалы с восходом солнца совершенно непредсказуемо меняли оттенки, выставляя напоказ ошеломляющие цветовые гаммы.

Ну и где же эти поющие водопады, сверлящие непроходимую сельву? Ведь еще в 15 веке, со времён обосновавшихся здесь португальцев и выбравших остров перевалочной базой для отправки рабов в Бразилию, всё вокруг утопало в буйной зелени. Сейчас же, кроме безжизненных камней и фантазмагории цветовой палитры мы ничего больше не видим.

– Ладно, какие у вас планы? Крабов пойдем ловить? – Мишка вдруг встрепенулся, сбрасывая свое внутреннее мимолетное оцепенение.

Я сначала подумал, что надо мной издеваются, а он, оказывается, вполне серьезно планирует очередную вылазку:

– Детям обещал, значит надо выполнять. Вон, смотри, здесь расщелин полно, просто «рай крабовый», нутром чувствую. А ты уж, как знаешь.

При словах «крабов ловить» у меня начались зарождающиеся симптомы лицевого тика. Впечатления двух прошедших дней не смогли стереть дакарский инцидент.

Но на сей раз я Михалычу компанию не составлю из-за Лекиной просьбы отправиться с ней на пляж Дас Гатас Бэй.

Наслушавшись судовых гидов о дивных красотах побережья, она непременно хотела видеть устроить нашу совместную фотосессию. Даже брошенные вскользь «знатоками», а они всегда оказываются с тобой рядом на корабле, фразы о возможном нападении кишащих в этих водах акул не перебивали её желания. Честно говоря, и меня больше прельщали океанские волны Атлантики. Расстаться с отдельными частями тела, случайно оказавшимися в пасти прелестного морского хищника, это ведь еще как надо умудриться. Наш выбор сегодня – пляж с акулами.

Высадка на портовый причал, как на автобусную остановку. Порт – одно громкое название – два крохотных здания, напоминающих трансформаторные будки.

Мишка со всем своим шумным семейством, укомплектованный набором для дайвинга и с прихваченными из дома перчатками, прошитыми тонкой стальной нитью, двинулся навстречу своим отцовским обещаниям, напутственно попросив меня развеять островную ситуацию с пивком.

«Краболов» в своем выборе был непреклонен и на прощание воодушевил всех своим оптимизмом на благоприятный исход затеянных мероприятий.

Экскурс в «город».

Почта. Тюрьма. Аптека. Практически по Блоку. И как квинтэссенция – ежедневный утренний показательный проход вооруженных сил Сан-Винсенте «по главной улице с оркестром». Это надо видеть! Трубач, барабанщик и два десятка креолов с автоматами Калашникова. Просто ураган! Броня крепка!

– Папик, представляешь, как трогательно получится, если этим славным бойцам вложить в руки цветы или кактусы наперевес вместо оружия. – В силу своей природной язвительности, Лёка не смогла удержаться от комментариев, и мне отчетливо представилась такая сценка с невпопад марширующими солдатами.

– Ты вот не ерничай, а лучше по сторонам посмотри – влюбленные и восторженные взгляды местных креолов на это дефилирующее по площади «нечто» задевали за «живое» и наполняли радостью за сплавленный монолит островитян. Вулканические камни плюс уверенность крепко стоящих на них жителей в завтрашнем дне – это просто замечательно.

Театральный отряд торжественно сошел со «сцены», и мы со спокойным сердцем за неприступность и сохранность рубежей Островов Зеленого Мыса плюхнулись в автобус, отправившись на западную часть острова к открытому океану.

Метаморфоза восприятия – «далеко-близко». Насколько ошеломляющ островной пейзаж с моря и как он безлик и непритязателен через окно автобуса. Наш экскурсионный караван неторопливо перебирался через каменный хребет по брусчатой дороге, выложенной из лавы.

Полное впечатление, что после отмены трехвекового рабства группа из пятнадцати островов была предана не только людскому, но и природному забвению. Все попытки заново вдохнуть жизнь в это место обитания вызывали легкое недоумение, переходящее в иронию.

Если на побережье завезенные с материка финиковые пальмы и эвкалипты еще из последних сил пытались срастись с «землей», то здесь, на склонах, расставленные в случайном порядке бетонные кадки с кактусами навевали тоску и обреченность.

Воодушевленные найденной растительностью, на эти вазы с «цветами» пытаются посягать блуждающие в поисках чего-нибудь жвачного горные козы. К слову, до прихода на эти острова европейцев, которые прихватили с материка домашних животных, кроликов, крыс и обезьян, здесь и в помине не было млекопитающих.

– Мамуль, хватит кемарить, – Лёку сморило. Ее голова, методично постукивающая по моему плечу, вторила тактам щербатой дороги – Ты впитывай красоту-то, впитывай. Смотри, фрегаты морские! Просто дирижбандели! И сколько их!

Петляя, наш автобус спускался к океану мимо окрестных скал, обсыпанных гигантской колонией многочисленных птиц.

.....

В 337 каюте дневная регламентная уборка. Кристина с покорной обреченностью пылесосила прикроватный коврик. Шел второй месяц ее найденной по протекции работы.

Люковик из 117 номера никак не выходил у нее из головы.

– И делать—то что – размышляла она. – Если на грубость – грубостью, значит, рейс этот для меня последний. А телом навстречу силком тянуться, ни желания, ни сил нет. И вроде такой степенный мужик, а руки как распустил..., да разве ж это ласки. Матка боска, Свента Мария, когда ж домой-то вернемся... Больше не могу.

Она сняла с крючка «Казуса», решив ополоснуть маску от пыли и опустила ее в ведро. Глядя на недоуменные пустые глазницы с капризно изогнутым ртом идола, фланелевой тряпкой стала протирать сделанные искусным железным резцом масочные рельефы.

– Все! Прекращаю эти заигрывания с пассажирами. – С этим своим окончательным выводом она зацепила тяжелый кусок дерева на прежнее место.

«Казус» безмолвствовал. Ему и не дано говорить. Мыльная пена его взбесила. На эвкалиптовом лице ни одна линия не изогнулась, но впитавшая влагу древесина набухла в готовности дать трещину в самом неожиданном месте.

.....

Гатас Бэй. Пляж из местного рекламного буклета. Три криво сколоченных деревянных зонтика. Туалетная будка. Смотритель, выставляющий на песчаном берегу флажки. Синий – «купаемся». Красный – «Западлю. За Вас не отвечаю».

Я быстро макнулся, подарив теплым волнам прилипшую ауру автобусных кресел, бросил Лёке, что поброжу один, надел кроссовки и рванул на оконечность серпастого мыса.

Лунные кратеры я видел только в глянцевах журналах на фотографиях. Так вот, луна сейчас была здесь, под моими ногами. С нее, похоже, переместились и наполнились островной жизнью прибрежные образования, удивительным образом напоминающие кратеры.

Кто кого скопировал? Не знаю. Ровные каменные окружности простирались на пологом мелководье, насколько хватало взгляда. Бесчисленные естественные маленькие лагуны – пятидесяти метровые заводи.словно игра природы в детский кольцеброс.

Лунное движение вод оставляет в разбросанных западнях сотни рыбешек, разноцветную глубоководную живность и не ведомых мне морских плавающих и ползающих существ.

Перед глазами живые лежачие аквариумы. Вот они. Исследуй их, зачерпывай ладонями эту девственную жизнь. Только прилив с поднявшейся волной всех этих случайных узников подводного «тюремного» заточения заберет назад. А луна, с новым появлением в следующий раз очередную порцию морских обитателей, пришедшую на смену своим освобожденным собратьям, опять подарит окольцованным лужицам.

Осторожно вышагиваю по лагунам, высматриваю ежиков морских. Воды по щиколотку. Залег в живую ванную с пуховым песком. Руки раскинул и радуюсь, как глупые рыбехи, еще непуганые человеком, мне смело тычутся в ноги.

Полуденное солнце заставляет зажмуриваться, земля где-то далеко за спиной безмолвствует своей скалистой тишиной. Мыс стрелой в океан вонзился и вокруг только пена набегающая пытается сжимать меня в своих тисках.

Я закрыл глаза, и время превратилось в бесконечность. Очнулся – закатное солнце трогает вершины скал.

– Черт возьми, меня же там люди в автобусах ждут и ищут! Человек сто. Может, уже от всеобщей паники и спасателей вызвали. Да и про акул друг другу байки начали рассказывать. Все, буду предан туристическому линчеванию!

Я стянул мокрую майку, да впопыхах стал собирать все прелести рапановые и причудливые вулканические камушки под ногами. Много чего отобрал у красоты лагунной, да бегом назад.

Остался один автобус. Негодуют все. Вдруг свой ужин пропустят из-за чудака такого. Забежал по ступенькам в салонное пекло, все, что донес, высыпал меж автобусных кресел.

– Ждем тебя больше часа! Исключительный, что ли? Самый крутой?

– Простите, ну крыша у меня перегрелась. А это для Вас. Выбирайте... – Смотрю, вроде затихли все. С удивлением рассматривают неожиданные сувениры и молча разбирают. Успокоились, поворчали слегка, и мы покатали назад к судну.

И я уже в нетерпении весь, там ведь Михалыч с «крабовым уловом» меня дожидается. Если дожидается...

Дождется. Похоже полный порядок. Со всем своим семейным коллективом стоит на палубе, разглядывая высыпавшихся из автобусов туристов.

– Акулы где? Поймали? – протрубил Мишка, едва увидев нас, распутивая своим орущим басом поднимающихся по трапу.

– Миш, я им неинтересен. Вот ты для них лакомый кусочек! Прекращай издеваться, «Повелитель крабов»! – я так же криком в ответ.

Поднялись на палубу. Все довольные. Возбуждённые. Михалыч посмотрел на протянутые мной разноцветные ракушки в руках, ухмыльнулся:

– Значит, вечером суп из акульих плавников отменяется. Силен бродяга. Все с тобой понятно, – и требовательно обратился к сыну:

– Дуй в каюту. Тащи всё сюда.

Через минуту запыхавшийся Артем стоял перед нами с неподъёмной для его худосочной фигурки пластиковой пляжной сумкой, кишашей гигантскими крабами. Еще сохранившие морскую влагу их мраморные и красно-фиолетовые панцири соревновались в насыщенности цветовых оттенков с золотистыми брюшками. Все внутреннее содержимое жило, шевелилось и пускало пузыри.

– Вот это да! Ну, вы даете! Сколько же их тут! – мы были просто ошеломлены.

– Дядя Саша, а мне ночью крабы приснились, а сегодня я на песке одного поймала за лапку, она у него оторвалась, а он все равно от меня убежал и спрятался под камень – дрожащим голосом сказала мне Настя, пятилетнее белокурое создание.

– Ну, крабы во сне – к предстоящим большим проблемам со своим любимым – наставительно объяснила дочке все знающая про сонники Юлька.

– Настя, ты за этого травмированного безлапного и не переживай, как у ящерицы оторванный хвост, так и у него лапка новая вырастет, – попытался успокоить ее мой всезнающий Антон и, посмотрев на нас, многозначительно добавил – «регенерация членистоногих» называется!

Настя слова Тохи про лапку, похоже, пропустила мимо ушей, отошла в сторону и задумалась, как нам показалось, о своем вещем сне.

Забавно, что даже у детей на судне складываются свои отношения. Смешные и трогательные детско-взрослые игры.

– Вы давайте в баре «Нептуне» договаривайтесь насчет приготовления крабов и столика на вечер, а мы за пивком сгоняем. Через час общий сбор, – бросив свои наставления девчонкам, мы с Мишкой спустились на причал.

Михалыч поправил свою выдавшую виды поясную велосипедную сумку, служащую ему одновременно кошельком и надежным местом для документов. Заметил мой взгляд на его перевязанный чистым бинтом живот:

– Вся старая повязка промокла, да солью пропиталась, врач новую сделал. Ну, Сань, морская вода лечит, зарубцуется все быстрее. Хорошо ещё сегодня о камни ничего другого не заце-

пил и не оторвал. Нырять даже не пришлось, на самом мелководье красавцев этих наловил.–
Миха явно был горд собой и не скрывал этого от окружающих. Резюмировал:

– В общем так. Я сегодня стол накрываю. Расслабляйся. Главное сейчас пивка купить и «Мартини» девчонкам. А вечером, как фишка ляжет.

.....

В 337 Кристина закончила каютную уборку и банно-прачечные процедуры, тщательно проведенные с «Казусом». Она случайно задела стенным крючком край глазницы маски при водворении ее на прежнее место. Под окном надломилась маленькая щепка. Горничная этого не заметила.

Она оценила придирчивым взглядом свою работу, взяла с тумбочки мой одеколон «Фаренгейт», пшикнула себе на запястье тонкую струйку и, забрав приготовленные на вечер сорочки для глажки, захлопнула дверь. Кристина не заметила, как отлетевшая деревянная щепка, подобно соринке из глаза, упала мне на кровать.

«Казуз» сморщился.

.....

Мишка с трехдневной щетиной, в отстиранных от крови шортах и с майкой «Рибок» навывпуск. Я рядом, любующийся своей обновке, в оранжево-черном пестром сенегальском одеянии. Мы вдвоём, прямо Пат и Паташон – достойные сыны Отечества и образец туристической буффонады.

Вокруг такая тихая-тихая тишина и умиротворенность. Неспешность и благодать жития, присущая почти всем обитателям удаленных от материков островов.

– Да, здорово им повезло, больше чем другим португальским колониям. Никогда ни войн не было, ни переворотов. – Выдыхая сигаретный дым, понимаю, что преступление совершаю. Воздух опьяняет и без пива, и без табака, а я тут никотином нарушаю окружающий меня природный баланс. Но все равно курю.

– Воевать? За что? За камни? За пейзаж? – солнце уже не палит, и Мишке, похоже, тоже комфортно в подкрадывающейся морской прохладе наступающего вечера.

Мы добрались до первого бетонного домика, выкрашенного давно облупившейся голубой краской, с выклеенной на двери красным скотчем надписью «Супермаркет».

При входе на стуле, листая потрепанный автожурнал, скучающий метис. Вокруг этого любителя автомобилестроения, лениво перебрасывая футбольный мяч, крутится несколько босоногих подростков.

К слову сказать, здешнее население возвращено на крутом генетическом замесе. Тут и потомки африканских рабов, и португальцы, и азиаты, случайно попавшие и осевшие на островах в давние времена.

Лицо хозяина лавки отражало восточную доминанту. Маленький, со слегка раскосыми прищуренными глазами, в старом сером суконном френче 60-х годов. Для полноты образа ему не хватало маленького значка Хо Ши Мина на лацкане или октябрятской звездочки.

Обветшала снаружи постройка, ждущая приговора к капитальному ремонту, зато внутри все необходимое в наличии. Овощи, фрукты, орехи, специи – всего понемногу. Неподдельное удивление вызвала самая обыкновенная рассыпанная в лотке картошка. Ведь почти все здесь привозное. Мы предположили, что это местный деликатес или специальный селекционный сорт – «каменный, Зеленомысский»?

Все окружающее в крохотном магазинчике вызывало ироничные улыбки. И лежащий неподвижной тушкой на кафельном полу повывавший бои, весь в шрамах, здоровый куцый пес, и вставший за прилавок «креолоазиат», вопросительно вззирающий на нас.

– Бира. Тен. – улыбаясь, стандартным жестом я поднял вверх растопыренные ладони.

Из стеклянного холодильника на прилавок выстроилась шеренга готовых к бою с нами запотевших бутылок бельгийского пива «Дуэль». Марка знакомая и нами уважаемая. Замечательно.

– «Мартини Россо» – я ткнул пальцем в стоявшую на верхней полке батарею спиртного. «Азиат» в меру своей физиологической возможности, насколько ему позволял разрез глаз, попытался их округлить:

– Россо?

– Ес, Ес «Мартини Россо»

– «Мартини»? – опять переспросил и задумался, глядя в тростниковую крышу. Затем придвинул к ногам пустой бутылочный ящик, осторожно на него забрался и потянулся к полкам. Ткнул пальцем в стоящую рядом с «Мартини» бутылку Джина. Оглянулся:

– Ес?

– Ноу, ноу, «Мартини»! «Мартини»! – размахивая руками, повторил я.

– Ес? – продавец ткнул пальцем в «Мартини Бьянко».

– Да, Да, Ес, «Мартини», «Мартини». «Бьянко ноу»! Россо, Россо! – мы с Михой синхронно перегнулись через прилавок, уже окончательно потеряв терпение, предприняли попытки указывать ему руками, уподобляясь постовым регулировщикам, точное направление нашего выбора.

– Ес, Ес, Россо, росо.. – узкоглазый закивал головой и стал доставать стоящую по соседству с «Мартини Россо» литровую бутылку дешёвого испанского столового красного вина.

– Вот же кочан, безголовый! «Росо», «Росо», «М А Р Т И Н И!» -стали скандировать мы.

И как они деньги с туристов заработать могут? Ну, ведь такая вещь простая! Эсперанто мировое! Водка, Виски, Мартини – любые туземцы племени «Бабубы» где-нибудь в непроходимой амазонской сельве и то такие слова наизусть знают. Похоже, этой смешной коротконожке только своей картошкой торговать можно и то с предсказуемым переменным успехом.

С этими своими соображениями по поводу абсолютно невозможной предстоящей мировой глобализации в ближайшее время мы почти влезли на прилавок и все так же потрясали руками в направлении вождя тары.

Наконец в руках торговца оказалась наша долгожданная намеченная цель. Азиат расцвел всеми цветами своей смуглой радуги:

– Ес, Ес, Россо Россо! «Мартини»! Комарад!

Мы облегченно вздохнули. Мишка задрал майку и полез в поясной кошелек.

– Сань, денег нет! – он замолчал и посмотрел на расстегнутую молнию на кошельке.

– Как нет? – я тоже ничего не понимал. И тут мгновенное прозрение. Мы оказались не первыми и уж наверняка не последними жертвами великолепно отрепетированной постановки мошенничества. На нас отшлифовали сценарий. Пока мы самозабвенно простирали руки к витрине, кто-то, зайдя с улицы, ловко и тихо опустошил сумочку Михалыча. Торговец же держал нас в напряжении, дожидаясь успешного финала.

Мы синхронно обернулись. Никого рядом. Пусто. Только пес безразлично одним глазом лениво смотрит на нас, обтирая языком пересохшую пасть. Понятное дело, пес тут ни при чем. Подростки!

Я пулей выскочил за дверь. Огляделся по сторонам. Ни одной живой души вокруг.

Стал судорожно соображать о доказательной базе, вызове полиции и черт знает еще о чем. Нет, бессмысленно. Есть только два варианта. Первый – пригласить талантливого азиата в Москву играть на подмостках у Петра Фоменко. Второй – кулаком разбить ему нос и сжечь его серый френч.

– У тебя есть деньги? – упавшим голосом спросил Мишка, пытаясь все-таки что-то нащупать на дне сумочки, при этом зачем-то постоянно застегивая и расстегивая молнию.

– Ну, чирик баксов, – я злобно и пристально смотрю на улыбающуюся физиономию продавца. На мой свирепый взгляд он кивает головой и талдычит:

– Россо, росо, «Мартини», «Мартини».

– Кинь ему чирик, забирай «Мартини» – буркнул Миха.

Именно это я все и проделал. Да думал ещё, что он нас окликнет по поводу расплаты. Вообще, на острове своя валюта – «эскудо», да и «Мартини» стоили 12 зеленых. Нет, оклика не последовало. Стоит, улыбается.

Подходим к порту. Какие-то камни вдоль дороги. Присели.

– Сань, достань вино.

Минут через двадцать пустая бутылка Мартини стоимостью в 850 долларов осталась лежать в сером вулканическом песке.

Затопленный остов сухогруза перед глазами, словно символ сопровождающих нас в последнее время нелепостей. И неожиданно где-то со стороны порта до нас стала доноситься грустная и без надрыва печальная мелодия в стиле «боса-новы» с незнакомым чарующим и завораживающим голосом на местном креольском наречии. Этой песней, казалось, можно было растопить солнце и заставить навечно замереть прибор.

В Москве лет через пять, я, выруливая на Цветной бульвар, вновь услышал эту мелодию и сразу вспомнил этот голос. Голос ставшей теперь всемирно известной певицы – «босоногой» Цезарии Эворы. Помню, даже притормозил у цирка и закурил, вспоминая злополучное «Мартини».

....

В 337 «Казус» улыбался и готовил для нас новое и совершенно неожиданное испытание. Небольшая трещинка в углу его рта высыхала, отдавая влагу, линия разлома рта обрела четкость, размер и направление.

....

– Сань, да не расстраивайся ты. Я ж запасливый. – Миха погладил себя по животу, по своей натруженной поясной мозоли и сказал это легко так, будто железный рубль провалился в люк дождевой.

– Ладно, Михалыч, и ты не переживай, на Карибах будем – там ром вместо молока выдают бесплатно за вредность.

Причина третья

«Аркадия» сбрасывала с себя швартовые путы и покидала вулканические объятия Островов Зеленого Мыса.

Наша плавающая колыбель, причесанная и подкрашенная матросами за время своей недолгой стоянки, напоминала женщину, тщательно сделавшую макияж и впопыхах убегающую на свидание с возлюбленным.

Возлюбленный ждал ее за 5000 голубых миль и звали его «Южная Америка». Нет, не совсем точно, он же кавалер, значит – «Южный Америк».

Мы провожали эти заброшенные острова, а нас, ответно, провожали стаи летучих рыб, неожиданно вылетающих рядом с бортом из волн метров на пятьдесят.

– Да... Даже рыбам дано летать... – обреченно выдохнул кто-то, нарушив общее молчание пассажиров, собравшихся на корме и пристально вглядывающихся в стекающие в ночь краски вечера. Фантастическая горная лава покидаемых островов причудливо искрилась и прощально подмигивала нам своими непредсказуемыми переливами.

Мы шли по Экватору на долгожданную встречу с удивительно красивым словом Парамарибо.

Мне тридцать пять, но каждый раз, проходя мимо вывешенных рядом с судовым бюро информационных плакатов с изображением герба Суринама, моё сердце по-мальчишески замирало, глядя на двух индейцев с копьями, охраняющих стоящую у пальмы бригадину.

Пять дней перехода через Атлантику.

Когда мне доводится пролетать над морем или океаном, я всегда пристально вглядываюсь в крохотные белые царапины, оставляемые судами на воде. Сейчас же мы сами были частью такой царапины – замкнутым крошечным мирком, очерченным трехсотметровым кольцом, раскаленного Экватором, деревянного променада.

Постоянно импульсивная и нервная Атлантика была к нам благосклонна, уподобляясь затихшей после бурной скандальной сцены женщине. Лишь легкая рябь на воде и вторящее в унисон океану небо – прозрачное и застывшее, с рассыпанным перистым пухом облаков.

Мой попутчик Михалыч днями пропадал на швартовочной палубе с моряками, делясь с ними приобретенными ранее познаниями в рыболовстве. В эти подробности я не вникал, но Миха объяснял, что процесс этот на самом деле довольно прост. На леску цеплялся десяток голых крючков, какие-то тряпочки с блестящими пластиночками, и все это хозяйство просто забрасывалось за борт.

Мой скептицизм к такому способу ловли Мишка развеял. В один из вечеров мы, ловя завистливые взгляды пассажиров, торжественно разворачивали запеченного в фольге с пряностями и пальмовыми листьями пойманного на голый крючок тунца.

– Дядя Саш, а вы кем на Новый год будете? – Настя (Мишкина дочь) на секунду забежала ко мне в каюту похвастаться своим кружевным платицем и вплетёнными в волосы бантами.

– Самим собой, Настенька. Самим собой! А-то, вдруг еще от себя отвыкну, превращусь в туземца, одичаю и тебя в качестве ужина приготовлю! – малое создание, заигрывая, прыснуло в ладошки и упорхнуло.

А я подумал, что уже действительно соскучился по московской офисной униформе, постоянно пребывая в африканском одеянии или без него.

Висевший в шкафу на плечиках костюм будил во мне скрытое желание как-нибудь знойным вечером при полном параде появиться на палубе.

Может, мне, таким образом, хотелось отдать дань уважения невидимой линии раздела полушарий?

На календаре был Старый Новый год.

Предстояла карнавальная ночь.

Вдевая перед зеркалом серебряную заколку в галстук, я посмотрел в сторону висящего на стенке «Казуса».

Он мне показался каким-то совершенно затихшим, затравленным и обреченным.

Обратился к нему по привычке:

– Ну что, дурилка деревянная, скучаешь? Праздник сегодня, да вот, только, тебе с вашими черными дУхами нас и не понять. – проговорил, а сам вдруг задумался, вспомнив русичей, поклонявшихся огню, ветру и повелителю грома с молнией Перуну.

Благодарение княгине Ольге, ведь все иначе могло бы сложиться. И висели бы сейчас у меня дома над рабочим столом вместо образа Богоматери какие-нибудь каббалистические знаки или, в более приличном варианте, осиновая маска бородатого «Дядьки Черномора».

Торжественный ужин. Свечи. Обгоревшие физиономии мужиков дефилирующих слегка навеселе и поголовно в белых рубашках. Декорированные и благоухающие крепкими южными французскими и итальянскими ароматами женщины. Всё проходило достаточно традиционно. Танцы. Искусственная ёлка. Обливающийся потом под своим одеянием Дед Мороз и шампанское. Диссонировало со всем этим лишь совершенно незнакомое небо над головой и пять миль от ватерлинии до твердой земли, придавленной океаном.

Неожиданно все стихло, и на условной палубной сцене появился Артем (Мишкин сын) – во фраке, белоснежной рубашке с приподнятым воротничком, обхваченным маленькой черной бабочкой.

В руках он держал длинный футляр, напоминающий чертежный тубус.

Тема без лишней суеты поклонился, отрыл футляр и достал из него черный лакированный кларнет. Выдержал паузу, глубоко вздохнул и заиграл.

Мы вслушивались в пронзительные звуки инструмента в детских руках. Непрофессиональные пальцы Тёмы ставили мелодии неуклюжие подножки, и гармоника звуков оступалась на доли секунды.

Тогда же никто этого не замечал и не слышал, да и не хотели замечать и слышать ошибок и промахов. Мы жадно слушали глазами. А перед ними была трогательная щуплая фигурка маленького человечка во фраке, с кларнетом, посреди океана...

И вдруг пошёл снег...

Ночной свет палубных прожекторов наполнился белыми парящими точками, лениво планирующими на нас. Казалось, все незнакомые звезды на чужом небе ожили и стали к нам приближаться для установления дружественных связей.

Все оторопело молчали и протягивали неожиданному чуду ладони навстречу.

Снежинки падали на нас замирали и не хотели таять. Они просто на несколько секунд задерживались на плечах, волосах и затем смешно и беспомощно лопались...

А Темка играл и играл...

Мы продолжали танцевать, оглушительно стрелять шампанским и старались не переводить свои случайные взгляды на матросов, уносящих с верхней палубы насосы и баки с жидким снежным имитатором, подарившим нам сказку.

Рассветом нас должно было встречать Парамарибо.

Утро. Полное безмолвие и отсутствие моторного шума, который стал настолько привычным, что без него моментально у всех пропадал сон. Могу ошибаться, но человек двести высыпали на борт. Удивленные вопросы. Идиотские вопросы. Вопросы.

– Что случилось, почему стали?

– На мель сели!

– Какая мель, бензин закончился. Вон всю Атлантику прошли, не рассчитали горючку!

В утренней дымке едва заметные призывные очертания Южной Америки. Смотрим за борт вниз. Во дела!

Мих, а ты ночью слышал что-нибудь? – под водой совершенно отчетливо мутное, грязно-желтое дно. «Аркадия» словно не дышала.

– Па..а, ты мне марку Гвианы купишь? – подошедший Тёма приставал к отцу со своими первыми утренними словами, мечтая стать обладателем редких художественных марок, выпущенных в Суринаме.

– Куплю, Темыч, куплю, – похоже, мой «морской волк» был шокирован увиденным не меньше моего. Мишка смотрел вниз и напряженно думал. Думалось непросто. Новогодняя ночь даже на Экваторе не проходит бесследно и без последствий – Не, не, Тём, подожди, ты марку лучше сейчас у мамы попроси.

– Сань, думаю капитан тоже человек. Мож, посидели со старпомом ночью, за жизнь поговорили, ну и «тогой», – это было самое простое, что мог Миха предположить в те минуты. – Во, вляпались!

– Чего «тогой»? Мишань? Неужели сели? – мою фразу перебил рупор судового радио, призывающий всех собраться в музыкальном салоне.

Нет. Не сели мы на мель. Но можем. Если зайдём в дельтовое устье Гран-Рио и пройдем пару миль к порту.

– Мощный отлив с перепадом в десять метров не даёт никакой возможности пройти двадцать километров до Парамарибо. Риск очевиден. Кто не верит, может прыгнуть за борт и промерить глубину собственными силами, – с таким обращением обратился наш командор к присутствующим в музсалоне пассажирам.

Вот те раз. А как же быть со столь желанным проникновением в песню Алёны Свиридовой – «Парамарибо, город удивительной страны»?

Антоха попытался поделиться своими познаниями на тему приливов и отливов. И где он этого понабрался? От отца, наверное. Кто ж, как не отец...

– Па, во время равноденствия приливы с отливами особенно сильные, когда Солнце и Луна сходятся на одном меридиане, их двойное влияние увеличивает силу притяжения... – Тохе не дали продолжить. Начался спонтанный симпозиум, переходящий в словесную потасовку.

– Дайте Южную Америку!

– Да этот Суринам – болото с постоянными ливнями!

– Нас лишают целого Континента!!!! —

– Ну, зайдем мы в этот Парамарибо, рискнем графиком дальнейшим. Да там ещё полгода назад амнистию устроили, так из тюрьмы Санто-Бомы всех выпустили. Вам это надо? – капитан был категоричен и в тоже время благосклонен. – Там же нет ничего – Президентский дворец, ремесленный рынок да форт.

– Вы нас не убедили!!!

– Команду на рею!!!

– Нет, конечно, есть возможность спускать боты и идти по устью Гран-Рио.

Однако перспектива 10—15 миль плыть в ботах по мутной реке с крокодилами и змеями навстречу второму Дакару ни мне, ни Михе не улыбалась, да, похоже, никто из присутствующих и не принял это предложение с подобающим энтузиазмом.

Даешь Тринидад! Стоим два дня! Все. Перелом!

Через сутки нас встретит у устья реки Ориноко остров, бывший для Робинзона Крузо недостижимым материком.

«Казус» востепенел, словно приоткрыл и без того открытые глазницы. Происходило то, что должно было происходить. Именно так. По его плану. Впервые за последние несколько дней маска улыбнулась. Наконец-то «Казус» дождался своего часа.

Сбывалась мечта наяву прикоснуться к далёкому детству, стать ногами на землю, о которой грезил с книжкой под подушкой, и самому почувствовать себя Робинзоном.

Хотя можно быть Робинзоном и без острова, и без Пятницы и шкур на плечах. Подпрыгивающий Пятница, овечья шкура и сказочно красивый остров – простые символы. Состояние человека совершенно не зависит от символов. Вглядитесь в идущих рядом с вами. Где-нибудь в суетливой толпе перехода метро Вы отыщете оставленного, бесконечно одинокого и утратившего последние надежды на перемены в своей каждодневной обыденности.

Мы проходили залив Пария, разглядывая открытый Колумбом остров, и каждый строил свои предположения о том, что скрывает плотное покрывало сельвы, сброшенное на хвост горного хребта Венесуэлы.

– Ну что, Санек? Воевать будем с «карибами»? – Мишка в полной боеготовности.

– Англичане уже навоевались. Хватит. Ты камеру подзаряди, да напхни мне пленок прямо в порту купить. – На этот раз мы решили объединиться семьями (в простом понимании этого слова) и ехать на обзорную по Порт-оф-Спейну с посещением, так называемого, «фаунистического резервата».

Я был наслышан о бережном отношении островитян к сохранности уникальной дикой природы Карибского архипелага, и подтверждение этому мы нашли с первого шага, только ступив на пирс в порту. Антон, чуть отойдя от собирающихся группами туристов, окликнул меня.

– Па, ты глянь что делается! – в метрах сорока от кормы «Аркадии», прямо у бетонного отлива ходуном ходили стайки рыб. Дело не в том, что это редкость, мальки есть везде. Меня поразили размеры и разноцветье плавающих особей под два-три килограмма весом.

Любоваться увиденным времени не было. Автобус, и вперёд.

Милый, сохранивший облик и традиции, бывший колониальный городок, разноцветный, приглаженный, подстриженный. Опять автобус, и вот – национальный парк – заповедник.

На входной центральной аллее предлагающие свои услуги доморощенные «гиды», напоминающие частных извозчиков у Курского вокзала. Только вместо «Такси, такси!» они наперебой выкрикивали «Найтив шоу, найтив шоу!».

– Миха, может, сами здесь разберёмся, что к чему, как-то глупо с группой три часа по парку ходить? – меня моментально все поддержали: и дети, сразу побежавшие по песчаным дорожкам в заросли, и жены.

Влажно и душно. Мы сняли майки, купили с арбы, превращенной в передвижной магазинчик, здоровых кокосов, а Михалыч, не удержавшись от восторженных од и панегириков Карибскому рому, приобрёл ещё два литровых бутыля местного напитка.

– Так и будешь с пакетом таскаться? Да на обратном пути взяли бы.

– Санёк, ничего, запас карман не тяготит. Так, на всякий случай. Вдруг этот с арбой уедет. Бегай потом.

Мы неспешно стали углубляться в глубину сада, а за нами неотступно стал следовать один из местных «гидов».

– Ай эм зе бест! Тен доллар! Ай эм зе бест! Тен доллар!

Нам он почему-то сразу понравился. Высокий, жилистый, кудрявая шевелюра обтянута вязаной красной шапкой, клокастая смешная борода и синяя майка с надписью «Тринидад» под изображением летучей мыши. «Гид» постоянно пританцовывал, улыбался и напевал. Его движения были пластичны и просты, однако моя попытка скопировать национальные «па» не увенчалась даже приблизительным успехом.

– Ю шайнинг лайк зе стар! – обращение «танцора» к Лёке нас сразило, определив решение и выбор. Лучше с ним, озорным добродушным местным спутником, чем в типовом коллективе и без него.

И началось! «Гид» распустил крылья. Он парил. Хватал меня или Антона за руку и бегом направлялся к всевозможным интересным уголкам. Он действительно много знал, а самое главное трепетно любил то, что знал. Цветы, кусты, камни. Показывая очередное дерево, он нежно его обнимал с влагой на глазах. Честно скажу, такой сентиментальности я давно не встречал.

– Лук, Лук, «Рейнбоу триз!» – обёрнутая вытянутой спиралью по уходящему далеко вверх стволу, радуга.

– Настиа, синсейтив грасс! – он даже запомнил и выучил имена за какой-то первый час, проведенный совместно с нами. Настя сидела на пушистой сочной зелени травы, а «гид» нежно проводил ладонью по кончикам лепестков, застилающих землю. Такое я видел только в фильмах, где используется эффект убыстренной съёмки. Лепестки на секунду задумывались и, свернувшись в трубочки, наклонялись к земле, спрятавшись от прикосновений. Живая трава! Мне захотелось приподняться над землей. Как можно здесь ходить! Вот здесь действительно уместна табличка «По газонам...».

Так перебежками, с познавательными остановками, мы очутились рядом с небольшим водопадом. На отполированной черной трехметровой скале – ядовито-рыжая вертикальная дорожка, омываемая струями. И метровый ручей внизу, убегающий в заросли.

Наш «природовед» с детьми и девочками, встретив основную экскурсионную группу, застрял у кустов, над которыми замерли в невесомости несколько колибри.

Мы же с Михой отошли и, присвистнув от красоты водопада, решили увековечить место фотоснимком. Не обращая внимания на натянутую вдоль ручья веревочку с повешенными табличками, я, осторожно перескакивая по поросшим коричневым мхом камням, допрыгал скалы.

– Миха! Лови кадр! – я подобрал два булыжника, и, жонглируя ими, подставил плечи падающей прохладной воде. – Снимай быстрее!

Михалыч снять успел. И я успел подбросить камни. И водопад успел омыть меня. Все успелось. Из не успевших был только наш «гид». Душераздирающее «НОООУУУУ!! ДАН-ДЖЕР!» долетело до нас с минутным запозданием. Он упустил контроль.

Чертовы таблички! Я на них и в Москве-то не обращаю внимания.

А на ней просто и ясно было написано: «BIOHAZARD! DANGER!» («Бактериологическая опасность»). Даже веревочки натянули для таких вот, как я.

Посмотреть на купальщика подошел весь автобус.

Михалыч непроизвольно (а может, и вполне осознанно) сделал шаг в сторону, подальше от стекающих с меня капель.

Что делать-то? Заработать тропический шистоматоз от заползших под кожу маленьких и пронишливых простейших организмов и дожидаться результата? А циркария будет бегать под кожей из «угла в угол»?

О моём состоянии в тот момент можно прочитать в любом справочнике по психоневрозам.

– Санёк, а вдруг тут вирус лихорадки «Эбола», – Миха таким «шутливым» способом пытался вывести меня из ступора.

«Эбола»! Крохотная амеба из реки Конго, унесшая сотни жизней. Искупался и через две недели кровь из носа, и «полный вперёд» – смерть от шока.

– Сань, тут до Штатов рукой подать! Мы тебя американцам продадим. Сам знаешь, с деньгами у нас напряг, пусть испытывают на тебе вместо приматов боевые вирусы. Сэкономят на обезьянах. Ты ведь любишь животных? – меня бил озноб и захлестывала полная неразбериха в сознании, которое стало наполняться демоническими картинками ужасов с африканским оттенком. На мгновение мелькнул лик «Казуса». И голос Михи – откуда-то из другого мира. Ну, да. Кристально чистого мира. А со мной-то что делать? Скучные познания в медицине подсказывали только одно – надо немедленно продезинфицироваться.

– Бери пакет, пошли в кусты! – я обрёл прежнюю выдержку. Миха сразу меня понял. Забравшись в заросли, я скинул с себя всё, что было, встал на четвереньки и скомандовал:

– Лей!

Мишка, с полуслова вникнув в ситуацию, уже свинтил пробку с бутылки 47-градусного рома и, как хирург перед операцией, промывал свои руки.

– Бери трусы и не жалей жидкости! Отмывай!

Вы видели, как мать заботливо моет своё дитя, стоящее в ванночке?

Я на четырёх точках в одеянии Адама и Михалыч, пытаясь и отдуваясь, на коленях, любовно склонившись надо мной. Тонкая, чуть липкая струя, растекающаяся по спине, была в те минуты для меня единственным спасительным нектаром и возможным шансом полноценной жизни в будущем.

– Санёк, ты ж белый человек, «почти «европеец», а на них, в отличие от чернокожих, к счастью, смертоносная лихорадка почти не распространяется.

Слово «почти» я в тот момент люто возненавидел.

– Да ты посмотри на меня! – на мне после экваториального загара от белого человека осталась только всем известная часть тела, да торчащие из травы пятки, – Не, Миха, не убедительно.

Из зарослей появились Лёка с Антоном. Стоят, смотрят, как вкопанные.

– Может помочь?

– Ма, очень тебя прошу, оставьте нас вдвоем! – Нет, мне не было стыдно. Была вселенская досада за произошедшее и физическая боль в виде кусающегося рома в «отдельных местах».

Михалыч, войдя в роль спасителя человечества, словно банщик, работающий мочалкой в помывочном отделении, методично растирал меня, пытаясь успокаивать:

– Сань, мы с капитаном договоримся, он тебя в холодильное отделение поместит. Я точно знаю, что микробов можно глубоким холодом убить. Поэтому у нас в России и нет этой заразы.

– Это тебе что Амдерма навяла? Ты тщательней меня обтирай, тщательней.

Мишкина операция по санобработке «пораженного» подошла к концу. Он, может быть, и продолжал бы ещё, но содержимое двух бутылок было полностью израсходовано.

Мы появились из зарослей. Наши экскурсанты смотрели на меня, как на прокаженного и обреченного человека с уже начинающей разрушаться матрицей ДНК.

Попрощались с нашим гидом, дав ему десять долларов. Я все же напоследок высказал ему просьбу поставить через пару недель в местном кафедральном соборе свечи за мой упокой.

Ставший уже родным Андрей на судне, на «всякий пожарный», вкатил мне в седалище антибиотики со словами «За дурной головой...», впрочем, продолжение вы знаете.

В 337 «Казус» злорадно хохотал. Возможно, если бы не упирающийся нижний край маски в мою постель, то полутораметровая деревяшка от переполняющих ее чувств ходуном раскачивалась бы на крючке.

Для присутствующего в этот момент рядом стороннего наблюдателя было бы заметно, как маска судорожно дрожала. Но посторонний принял бы колебания «Казуса» за дрожь судовых стен, исходящую из моторного отделения судна, где на полную мощность заработал дизель, отвечающий за работу системы кондиционирования.

От вибрации угол рта маски лопнул чуть вздёрнутой вверх линией и прочертил трещину в злобном зверином оскале вниз.

Его терпение лопнуло. Косвенно и прямо.

Причина четвёртая

Тринидад, как тягучая патока, впитывал в себя все произошедшие с нами инциденты и раскрепощал сознание. Остров безвозмездно делился своими пылающими факельными шоу с зажигательными танцами. Многолюдье ночных улиц, пронизанное разлетающимися мелодиями «Калипсо» с их чарующими ритмами, доводило нас до экстаза.

– Миха! Всё! Эксперименты прекращаем! Завтра обыкновенный человеческий пляж. Шаг влево, вправо – расстрел! – Наша компания в полном составе сидела в каюте, выстраивая планы на утро. Совещание принимало «отказной» характер.

Мы с Мишкой наотрез отказались от экскурсий вглубь острова. Жены категорично отказались составить нам пляжную компанию, сославшись на необходимость пройтись по центру и полюбопытствовать на местные безделушки. Вообще-то, мы были не против такого расклада и, в конце концов, сами тоже решили ещё от чего-нибудь отказаться. Отказались от идеи больше не покупать карибский ром.

Челночный микоравтобус – местная «газель», курсирующий из порта на Маракас Бэй, за полчаса преодолев перевал, доставил нас в заповедную зону отдыха. Вид окружающих лесов, гор и необыкновенный аромат экзотической растительности исполнял для нас функции станции переливания крови – мы отчётливо ощущали происходящее внутри обновление. Смотрели и дышали. Водопой береговых пальм, отшлифованные песчаные отмели и неокрепший маленький штормик. Полное ощущение первобытности и нетронутости.

Не успели обосноваться, Михалыч заговорщицки – ко мне:

– Санёк, ты посмотри, кто здесь! Вот тебе и девочки!

Недалеко от нашего лежбища замечаю Кристину с судовой официанткой. Замечательно! Есть повод покрасоваться, наладить плотный контакт и «правильно» провести отпущенное нам время. Идём на сближение.

– Сняли меня с уборки люксов. Один турист возмутился обслуживанием, – грустно поделилась новостью Кристина, меланхолично просыпая текущий сквозь пальцы песок.

– Хэй! Грустить не надо! Сейчас Михалыч нам краба поймает! – я совершенно не был настроен на минорные переговоры.

– Сань, кому краб нужен? Ты и лови, ... если сможешь. – Мишка задел за живое. Причем при женщинах, причём при перспективных! Это что бы я краба не поймал?!

– Поймаю! Ждите.

Прихватив полотенце, я направился к скалистой границе пляжа. Почти добравшись до чёрных камней, застыл в изумлении. Метрах в пяти, чуть зарывшись в песок, притаилась серо-зелёная, бликующая малахитовыми переливами, игуана. Импозантная штучка, и размерчик вполне подходящий. Метр, с хвостиком. Это Вам не крабики «От Михалыча». Вот, действительно, достойный персонаж для покорения девичьего сердца.

Мою персону самец (или самочка?) принял за враждебного чужака, посягнувшего на его территорию. Игуана бескомпромиссно принялась доказывать, кто здесь хозяин, раздувая горло и потрясая головой с гребнем из острых чешуй. Забавные знаки устрашения на меня действия не возымели, да и по гороскопу я, всё-таки, «козерог». Решив дать бой в надежде завладеть телом противника, я осторожно делал короткие шаги ей навстречу.

Смертельной дуэли не получилось, и чья-то кровь не пролилась. «Чудище заморское», встав на лапы, со скоростью проносящейся песчаной позёмки, помчалось к камням у воды. Чего-чего, но такой прыти я совсем не ожидал.

Я – за ним, как за курицей для бульона, растопырив руки с полотенцем. Объект охоты, добежав до цели, проворно вскарабкался на выступающий в воду утёс и остановился. Путь назад ему был отрезан.

– Эээ-й, ты куда? Так нечестно!!!, – игуана сиганула в волны с трехметровой высоты уступа и, набирая скорость сильными волнообразными ударами хвоста о воду, скрылась за скалой. Они ещё и плавают? Я был уверен, что если последую за ней, то непременно её настигну. Что остановило меня от прыжка с раскалённых палящим солнцем камней? Может, по сценарию «Казуса», я обязан был отправиться за этим «недоделанным драконом» – возможным его «посланником», прыгнуть в расщелину и вдребезги разнести голову о подводные булыжники?

Я осторожничал. Остановился. Вспомнились ещё вчера произнесённые мной слова: «шаг влево, шаг вправо» и, напрочь отказавшись от дальнейших поисков членистоногих, раздосадованный и без добычи, побрёл назад.

Михалыч самозабвенно развлекал девчонок своими неиссякаемыми байками про Север, угощая их прихваченными нами вином и местными орехами. Ему не было необходимости руководствоваться расхожими статьями из «Менс Хелс» о правилах обольщения женщин на пляже. Он и так моментально обезоруживал, без новомодных приколов – открытостью, добродушием и своими 120 килограммами.

Время пролетело, и мы, выполнив все пункты пляжного устава, принялись паковать вещи.

– Саша, щелкни меня на пальме. А я попробую наверх залезть, – передавая свой фотоаппарат, попросила Кристина и с ловкостью, достойной собирателя кокосов, стала забираться вверх по наростам сухого ствола.

Фотосессия мной была проведена как заправским художником, этаким непревзойдённым «мэтром» эротического снимка. Я просто обязан был себя реабилитировать за фиаско с экзотической живностью.

– А как мне назад? – Кристина попала в стандартную ловушку древних законов лазания по деревьям. Наверх элементарно, а вот вниз...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.